

Глава 1. Переселение душ

Жалкая лачуга под соломенной крышей.

Стены наспех обмазаны глиной, пол идёт буграми, а в окне не хватает доброй половины переплёта.

На кане, бледный как полотно, лежал юноша лет семнадцати. Черты его лица были изящны, а меж бровей алела крохотная алая родинка — родинка беременности. Глаза его оставались плотно закрытыми, а дыхание становилось всё слабее: жизнь в теле едва теплилась.

Возле постели, захлёбываясь слезами, сидели двое детей.

— Братец Хуа, Цзюцзю виновата, Цзюцзю больше никогда не будет просить конфет! Пожалуйста, проснись! — причитала малышка.

— Братец Хуа, старший брат вернётся уже через полмесяца, ты должен продержаться! — вторил ей мальчик, размазывая слёзы по лицу.

Цю Хуанянь очнулся от настойчивого плача, звенящего в ушах. Едва разомкнув веки, он увидел перед собой картину вопиющей нищеты.

«Что произошло? — пронеслось в голове. — Разве я не сорвался в пропасть, когда отправился в горы снимать материал в дождливый день?»

Последнее, что осталось в памяти — бешеная чехарда красок перед глазами и леденящее чувство невесомости, предвещающее смерть.

Юноша попытался пошевелиться, но затылок пронзила невыносимая, раздирающая боль. В тот же миг в сознание хлынул поток чужих воспоминаний, словно в мозг внезапно закачали немислимый объём информации.

Стиснув зубы и преодолевая страдания, он начал восстанавливать цепь событий и наконец осознал положение дел.

После падения со скалы его душа перенеслась в иной мир. Он переродился в теле семнадцатилетнего юноши, своего тёзки, чей облик на семь-восемь частей совпадал с его собственным.

Этот мир находился под властью династии Юй — эпохи, о которой Цю Хуанянь никогда прежде не слышал. Судя по обрывкам памяти прежнего владельца тела, уровень развития общества и технологий здесь напоминал поздний период династии Мин, разве что земли были

плодороднее, а нравы — куда свободнее.

Прежний обладатель тела вырос в небольшой деревушке где-то на северо-востоке. Мать его умерла рано, а отцу он был в тягость. В один из голодных лет его обменяли на две меры сорго, и так он оказался в деревне семьи Ду в качестве мужа-воспитанника.

«Муж-воспитанник...»

Осознав это, Хуанянь едва не скривился от досады, несмотря на боль.

В этом мире, помимо мужчин и женщин, существовал и третий пол — гээр. Внешне они почти не отличались от мужчин, но, подобно женщинам, могли вынашивать и рожать детей. Знаком их пола служила та самая родинка беременности, красующаяся меж бровей.

Гээр было не так много, но они давно стали частью общества. В сельской местности взять в дом гээр в качестве мужа было делом вполне обыденным.

И теперь юноша сам стал таким гээр.

Семья, купившая его за зерно, тоже не процветала. Раньше они жили в достатке и даже смогли отправить старшего сына учиться, но после того как глава семьи, Ду Баоянь, погиб на государственной отработке, хозяйство пришло в упадок.

У Баояня осталось трое детей. Старший сын, Ду Юньсэ — тот самый названный муж Хуаняня. Говорили, что он был истинным вундеркиндом: девять лет назад его заметил великий наставник Вэнь и забрал с собой в странствия. Прежний Хуанянь его даже в глаза не видел.

Младшей дочери, Цзюцзю, исполнилось девять, а сыну, Чуньшэну — всего шесть. Дети были ещё совсем малы, и именно они сейчас безутешно рыдали у его постели.

Их мать, Вдова Ли, была женщиной работающей, но после смерти мужа её подкосила тоска. Здоровье угасало с каждым днём, и два месяца назад она отошла в мир иной.

В родном доме Цю Хуанянь не видел ничего, кроме голода и побоев, но в семье Ду он впервые познал тепло очага. Он искренне полюбил Вдову Ли как родную мать, а детей считал младшими братом и сестрой. Он трудился не покладая рук, никогда не жалуясь на судьбу, и всё же...

Юноша быстро прокрутил в голове ключевые моменты чужой жизни и попытался приподняться. Заметив, что он пришёл в себя, малыши так и засияли от счастья.

— Братец Хуа! Ты очнулся!

— Братец Хуа!

Хуанянь хотел улыбнуться им в ответ, но резкая боль в затылке превратила его улыбку в болезненную гримасу. Шум в комнате привлёк внимание тех, кто стоял снаружи, и тотчас раздались резкие, неприятные голоса.

— Я же говорила, ничего с ним не случится! Видите, очухался. Глава клана зря только людей созывал. Подумаешь, взрослый парень, неужто от одного падения дух испустит?

— Жена Баоцюаня, прикуси язык!

— И не подумаю! Это их Цзюцзю пыталась отобрать конфету у моего Фубао, а этот взрослый лбина ввязался и обидел ребёнка. Потом сам не устоял и шлёпнулся, а Фубао теперь крайний! Глава клана, даже если вы им покровительствуете, нельзя же так чёрное выдавать за белое!

— Вот именно! Мы все знаем — вы только и ждёте, когда их старший сын выбьется в чиновники. Да только гонцы сказывали: наставника его в темницу бросили, в столице ему больше не место. Скоро вернётся ни с чем, какие уж тут чины?

— Да не похож братец Хуа на такого человека...

— Ну, когда нужда припрёт, всякое бывает. Старший их почитай вечность не объявлялся. А Хуа-гээр молодой, мужика давно не видел, кто знает, сохранит ли верность...

Голоса за стеной гремели, ничуть не заботясь о том, слышат ли их внутри. Эти слова, острые как ножи, вонзались в полумрак хижины, падая на плечи троих сирот.

— Братец Хуа... — Цзюцзю всхлипнула, её глаза снова наполнились слезами.

Хуанянь ласково погладил девочку по голове и тихо произнёс:

— Не бойся.

Он снова испытал своё тело. Видимо, приход новой души сотворил чудо: стоило ему начать двигаться, как боль немного отступила, а зрение прояснилось. По крайней мере, он уже не чувствовал той убийственной слабости.

«Что ж, неплохо», — подумал он.

Юноша поднялся, выхватил из угла тяжёлый нож для колки дров и, пинком распахнув дверь, вылетел во двор.

Перехватив инструмент обеими руками, он с силой обрушил его на деревянную колоду.

Хрясь!

Лезвие глубоко вонзилось в дерево. Хуанянь проигнорировал саднящую боль в ладонях и ледяным взглядом обвёл застывших от неожиданности людей.

— Братец Хуа, ты что это удумал? — охнули в толпе. Цю Хуанянь всегда был тихим и покорным, никто и представить не мог в нём такой ярости.

Юноша, в чьей груди теперь билось совсем иное сердце, коротко усмехнулся. Голос его звучал пугающе спокойно:

— Некоторые здесь повадились обижать сирот и наживаться на чужой беде. Если я не покажу, на что способен, нас, чего доброго, придушат во сне, и никто не заметит.

Женщина, начавшая спор первой, возмутилась:

— Что за чушь ты несёшь?! Ты...

Хуанянь в упор посмотрел на неё. Этой соседке, жене Ду Баоцюаня, было под пятьдесят. Урождённая госпожа Чжао, она вечно враждовала с покойной Вдовой Ли.

— Тётушка Чжао, ваш Фубао зажал мою Цзюцзю на окраине деревни. Пока я заплетал сестре косы, он подкрался и толкнул меня в овраг. И вместо того чтобы прийти с поклоном и извинениями, вы здесь плетёте небылицы. Некрасиво получается, верно?

Он вернул ей её же обвинения, слово в слово.

Деревенские переглянулись. По сравнению с тихими Хуанянем и Цзюцзю, избалованный Фубао куда больше подходил на роль зачинщика. Когда юноша лежал без чувств, а девочка только плакала, люди слышали лишь версию мальчика и невольно ей поверили. Теперь же в их душах зародилось сомнение.

Госпожа Чжао засуетилась. Когда её сын прибежал домой в слезах, она, не разбираясь, сразу поверила любимчику и помчалась сводить счёты с соседями. Теперь, остыв, она и сама почуяла неладное в рассказе ребёнка.

Но что с того? Хозяйка дома в могиле, неужто эти трое недорослей смогут ей противостоять?

Обретя былую наглость, Чжао фыркнула:

— Братец Хуа, ты ещё зелен и глуп, раз несёшь такую ересь. Покайся, принеси Фубао десяток яиц, чтобы он испуг заел, и я, так и быть, тебя прощу.

Хуанянь рассмеялся ей в лицо:

— Я зову тебя тётушкой из вежливости, а ты уж и впрямь возомнила себя важной особой?

— Ах ты!..

— Хуа-гээр, не смей так разговаривать со старшими! — подал голос Глава клана, тяжело опершись на посох.

Юноша повернулся к старику, и его лицо приняло почтительное, но твёрдое выражение:

— Уважаемый Глава клана, я не желаю проявлять неуважение. Но если старшие ведут себя недостойно и поощряют подлость, молчание приведёт к большой беде.

Заметив, как дрогнули брови старика, Хуанянь веско добавил:

— В нашей деревне десятки домов. Если каждый будет калечить соседей и получать за это награду, порядка в деревне не останется вовсе.

Глава клана пристально посмотрел на юношу. Из-за старшего сына Ду он всегда выделял эту семью, надеясь на их будущий успех. Но сейчас он понял: он недооценивал того, кто остался дома. Этот муж-воспитанник оказался не так прост.

— Приведите Фубао.

— Глава!.. — Чжао занервничала. Сын был её поздним и самым любимым ребёнком, которого она баловала без меры. После случившегося он сразу завалился спать.

Старик стукнул посохом, не желая слушать возражений. Двое мужчин покорно отправились за мальчиком. В деревенской общине авторитет Главы клана был непререкаем.

Фубао, несмотря на тот же возраст, что у Цзюцзю, был куда крупнее и упитаннее. Пухлые щёки, вечно капающая слюна — он выглядел настоящим бочонком.

Госпожа Чжао охнула и прижала его к себе.

Хуанянь посмотрел на ребёнка, чья выходка едва не стоила ему жизни, и мягко, почти ласково спросил:

— Фубао, скажи, зачем ты толкнул меня в овраг со спины?

Девятилетний мальчишка был уже достаточно сообразителен. Он зыркнул по сторонам и выпалил:

— Это вы с Цзюцзю хотели отнять мои конфеты! Я просто толкнул тебя, а ты сам не удержался и свалился!

— Вот, слышали? — Чжао победно вытерла рот сыну.

— Вот как? И где же тогда эти конфеты?

— Испачкались, я их выбросил по дороге!

Хуанянь притворно вздохнул:

— Какая жалость. Ведь сахар можно купить только в городе. Твоя матушка требует, чтобы я заплатил, но раз конфеты пропали, я даже не знаю, что и покупать.

Услышав это, Фубао тут же попался на удочку:

— Врёшь! У вас дома ещё осталось больше десяти штук!

Улыбка на лице юноши стала шире:

— Фубао, если Цзюцзю украла твои сладости, откуда тебе знать, сколько их лежит в нашем доме? И ещё: в городке Цинфу продают солод на палочках, откуда тогда взялось слово «штук»?

Мальчишка, желая показать, какой он умный, слишком увлёкся спором и угодил в расставленную ловушку. Он замялся, не зная, что ответить.

В этот момент из дома вышла Цзюцзю. Встретившись с ободряющим взглядом Хуаняня, она набралась смелости и вышла на середину двора.

— Эти... эти конфеты дал человек, что принёс весточку от старшего брата. Они в бумажной обёртке, с орешками. Фубао хотел их отобрать у речки, дёргал меня за косы. Братец Хуа его прогнал и присел, чтобы поправить мне причёску, а Фубао... он внезапно подбежал и толкнул братца со спины!

Цзюцзю была девочкой робкой, и под взглядами толпы её лицо залило краской. Несколько раз она едва не замолчала, но спокойная уверенность Хуаняня давала ей силы. Она чётко

изложила свою версию.

Младший, Чуньшэн, вынес из дома несколько конфет и раскрыл ладонь перед всеми, яростно глядя на обидчика.

— Вот они! В масляной бумаге, с арахисом! У нас самих полно таких, зачем сестре отбирать твои сопливые леденцы?

Увидев конфеты и сопоставив слова детей, люди наконец поняли, что произошло на самом деле.

Госпожа Чжао пыталась было вставить слово, но Хуанянь перебил её:

— Я — взрослый человек. Если бы я видел его, разве позволил бы мальчишке столкнуть себя в овраг?

Говоря это, он вырвал нож из колоды и слегка качнул им перед носом Чжао и её сына. Те так и присели от страха. Гээр, может, и слабее обычных мужчин, но против старухи и ребёнка силы у него хватило бы с избытком.

— Дело ясное, — Глава клана тяжело ударил посохом о землю. — Жена Баоцюаня, принесешь Хуа-гээр девять яиц, пусть поправляет здоровье. И займись воспитанием сына. Растить дитя и не учить его добру — значит растить беду для всех!

Чжао кипела от злости, но спорить не посмела.

Однако Хуанянь не собирался на этом останавливаться. Прошлый владелец этого тела погиб, и за это полагалась иная цена.

— Фубао, мы никогда не враждовали. Зачем же ты так подло поступил? Откуда в таком маленьком ребёнке столько злобы?

Мальчишка задёргался в руках матери:

— Да пошёл ты, лис облезлый! Если бы не ты, второй брат бы...

Раздался звонкий шлепок. Госпожа Чжао отвесила сыну пощёчину и зажала ему рот.

— Совсем с ума сошёл, чепуху городит! Пойдём домой, выспишься — пройдёт.

Хуанянь запомнил эти слова, понимая, что за ними кроется некая тайна, но сейчас был не

лучший момент для допроса. Однако и просто так отпустить их он не желал.

Он преградил путь собиравшейся сбежать женщине, выставив перед ней нож.

— Девять яиц — это извинение перед Цзюцзю. Но я разбился так сильно, что не скоро встану на ноги. Тётушка, не кажется ли тебе, что за мою голову полагается как минимум курица?

Чжао едва не задохнулась от возмущения. Она хотела крикнуть, что он выглядит здоровее всех присутствующих, но сын вырывался и орал, Глава клана молчал, а нож в руках парня опасно поблёскивал. Ей оставалось только сдаться:

— Ладно, ладно! Пусти только! Дома заберёшь.

Хуанянь холодно улыбнулся, не давая ей ни единого шанса увильнуть:

— Уважаемый Глава клана, не могли бы вы отправить кого-нибудь вместе с тётушкой Чжао? А то в доме у неё вечно хлопоты, боюсь, забудет про моё угощение.

Старик окинул взглядом двор и вздохнул:

— Жена Баошаня, сходи с ними.

<http://bllate.org/book/15363/1372815>